

Звание Баба-яга. Ученица ведьмы

Автор:

Вера Чиркова

Звание Баба-яга. Ученица ведьмы

Вера Андреевна Чиркова

Звание Баба-яга #2

Если день начался неудачно, так он и закончится, в этом юная сиротка Катерина убедилась на собственном опыте. А ведь казалось, ничего не предвещало беды, ну кроме темных туч на горизонте. Но ведь ранней весной этим никого не испугать... особенно летящих на шабаш ведьм.

Вера Чиркова

Звание Баба-яга. Ученица ведьмы

Глава первая

День первый, очень злополучный

– Ах ты ж, хулиганка бисова!

Огромная миска с творогом пролетела в паре сантиметров над моей головой и с грохотом врезалась в стену. Душистые белые комочки разлетелись по всей веранде, обдав меня моросью сыворотки.

И это я – хулиганка?! Да я по сравнению с тобой просто ангел с кружевными крылышками! Вот только вслух этого не скажу, чтобы не выдать своего укрытия.

Да и не должно меня тут быть, если уж на то пошло. Ну какой нормальный человек, уронив в миску со свежесваренным творогом почти килограмм соли, спокойно останется поджидать, пока его за это накажут?

Но это нормальный, меня же такой пока никто не обзывал. Хотя несколько различных прозвищ прицепилось, просто как приклеенные «Моментом». Клей такой есть, тетка все время покупает. Она страшная экономистка, все разбитые чашки и тарелки обязательно клеит. Ну и что, что в них потом ничего наливать нельзя, – она и не наливает. Зато насыпает, а потом забывает, почему насыпала. Вот и давеча, возьми, говорит, вон ту тарелочку, положи на нее творожку и помни с сахаром, завтракать будем.

И ушлепала цыплят кормить. Она маленьким обязательно творогу дает, чтобы росли быстрее. А я только тарелку достала и задумалась, во что бы соль пересыпать... а она возьми и тресни прямо в руках.

Тарелка, разумеется. Вот я от неожиданности прямо в миску ее и уронила. Само собой, вместе с солью. Ну да, возле творога я и стояла, а где еще, по-вашему, мне стоять нужно было?

– Вот ты и попалась, оторва криворукая! – торжествующе объявила хриловатым голосом тетка, вытаскивая мою персону за ухо из-за старенького диванчика.

– Как? – интересовал меня только один вопрос, и тетка правильно догадалась какой.

– Ни кошка, ни собака не кинулись творожок-то собирать! Окромя тебя, их ничто отпугнуть не могло! – гордо пояснила она сложную цепь своих умозаключений.

Ну да, правильный вывод. Вот только неверным путем ты, тетенька, к нему подошла. Потому и не желали они твой творог собирать, что я уже пыталась им его скормить, чтобы свою промашку скрыть. Только ни одна собака не сожрет столько горько-соленого творога, даже если ей его насильно в пасть крупяным совочком засыпать. Это Жучка еще долго продержалась. Кошка сбежала намного раньше.

– Ну а чтобы ты навсегда запомнила, что шкодить нельзя, соберешь этот творог и, пока не съешь, ничего другого не получишь, – мстительно объявила тетка свой приговор и сунула мне в руки погнутую миску.

Не забыв наградить увесистым подзатыльником. Совершенно незаслуженным, на мой взгляд, и оттого особенно обидным.

– И не вздумай хитрить! Тут нормальному человеку и за три дня не съесть, раньше не приходи.

– Ну да... – оскорбленно бурчу, ползая под столом с совочком и миской, – сначала вывалить еду по грязному полу, а потом скормить единственной племяннице! Ничего гуманного в тебе нет.

Ну про то, что пол грязный, я немного преувеличила, мне и приходится его каждый день намыывать, только я ведь вовсе не мазохистка, низкому дивану на коленях кланяться. А творог именно туда в большинстве и завалился и теперь извлекается с совершенно неожиданными добавками. В частности, с бесследно потерявшейся еще осенью картофелечисткой, парой пуговиц, оторванных непонятно от чего, коробком спичек и одиноким пыльным носком. И что самое грустное, пожаловаться абсолютно не на кого, да и некому.

Тетка тут же задерет нос и заявит, что я сама и виновата, развела эту грязь. Ну так если бы знать, что она меня оттуда творог доставать заставит, я, может, и помыла бы.

И тут по моей небрежной в общем-то натуре был нанесен судьбой такой подлый удар в виде засохшей мышки, что я не выдержала. Бросила миску с совочком посреди пола и полезла по шатучей лесенке на мансарду, собирать вещи.

Неужели я пропаду или буду еще где-нибудь терпеть столько оскорблений, как в доме единственной родственницы, оставшейся у меня после гибели предков?

Не думаю. На свои семнадцать я хоть и не выгляжу, зато имею кучу полезных навыков, спасибо районному интернату и родной тетушке. Вот сейчас доберусь до какого-нибудь города, найду работу, сниму квартиру и заживу как все белые

люди. Буду вечерами по парку гулять, а не по оврагу – в поисках теткиных коз.

Вот только город выбрать нужно правильно, а денег у меня должно хватить, давно коплю то, что остается от пенсии за родителей.

Я пошарила рукой за кривоногим шкафом, непонятно как втиснутым в узкий люк, достала коробочку из-под конфет, в интернате на день рождения подарили... нет, не одну коробку, были в ней и конфеты, правда, мне всего две штучки досталось, а как же иначе, не есть же их одной, под одеялом?! Из коробки, с сожалением вздохнув, – придется ее оставить, – достала свои сбережения. Упаковала на дно потертого рюкзака, сложила туда же небогатое приданое, натянула свитерок, джинсы и кроссовки. Куртку бросила на рюкзак, бдительно оглядела помещение, верно служившее мне целый год. Ничего не забыла? Вроде нет. Тогда прощай, печальный уголок.

На веранде я задумалась еще на пару мгновений, потом, бесшабашно тряхнув головой, решительно сунула в один боковой кармашек старенький кухонный нож и ложку, а в другой – алюминиевую кружку. Еще начатый коробок спичек, полбулки хлеба, кусок соленого сала и несколько пакетиков чая, пожалуй, больше взять нечего. Если только новенький тюбик любимого тетушкиного клея... просто так, назло.

Заслышав со стороны парадного крыльца неспешные шаги покидаемой родственницы, молнией метнулась к дверце, ведущей во двор, и, не оглядываясь на прощанье – некогда, да и незачем, – выскочила под вялый весенний дождик.

Ничего, не сахарная, до станции, если напрямки через лес, всего-то два километра, куртку накину и добегу.

В лесу было сумрачно, скользили под кроссовками прошлогодние черные листья, и даже под огромными елями не осталось сухого места. Да только с чего бы мне вздумалось под них лезть, под эти самые ели? Если следовало спешить изо всех сил – с тетки вполне станется тревогу поднять, объявить меня в розыск, как преступника. И не важно, что паспорт дают в четырнадцать и даже работать разрешают. Зато сбегать от домашних тиранов и выходить замуж почему-то можно только в восемнадцать.

Что-то мелькнуло над елками ослепительным всплеском, вырывая меня из размышлений о вечных проблемах и одновременно выдергивая почву из-под ног, ударило по ушам воздушной волной, как при свободном падении... каталась я однажды, когда уходила из интерната.

И бросило в темную воронку невесть откуда взявшегося смерча, заставив на миг задохнуться от нехватки воздуха и всепоглощающего ужаса.

А потом, больно ударив напоследок, швырнуло спиной на что-то твердое, и мой организм не придумал ничего лучше, чем в знак протеста потерять сознание.

Что я была злая, придя в себя, сказать мало. Нет, я была просто очень злая. Ненавижу, когда мне делают больно или бьют, до посинения ненавижу.

И, когда я попала после смерти родителей в интернат – тетка расстаралась, первым делом довела это до сведения всех задир. И откровенных, и тихушных, а их, как я успела заметить за последние несколько лет, в любом коллективе всегда на порядок больше. Ходят эдакие, вроде правильные, учителя и воспитатели их в пример ставят. А едва взрослые отвернутся, ангелочки превращаются в болотных гадюк, норовящих посильнее цапнуть из-под кочки.

Ну так вот, про боль. Не сразу до них дошло, что я не шутила. Поначалу все пытались поймать меня в темном углу и показать, кто в интернате настоящий хозяин. Потом им вытаскивали из носов и скул занозы – я без куска доски в опасные углы не совалась.

Ну а я, как водится, сидела в это время в карцере. Так они палату при медпункте меж собой называли. Местная медсестра туда для успокоения буйных драчунов запирала, после того как укольчик вкатит, разумеется. Вот это еще одна вещь, которую я на дух не выношу, – уколы и операции разные. И медсестре об этом в первый же момент сообщила. Она оказалась теткой сообразительной, поглядела в мои шалые от ненависти глаза и шприц убрала. Вместо этого принесла стопку книжек и положила на тумбочку.

Книжки я тоже не любила до того случая, но сказать сразу об этом не успела, так быстро она из карцера вымелась. А уже потом, от скуки, открыла наугад один томик, самый тощенький, да так и прилипла. Вот с тех пор мы с Мариной и

подружились, хотя весь интернат ее за белый халат и подкрашенные волосы Мальвиной называл. Или еще за что, я не вникала. Важно другое: с тех пор она никогда мне прививок не делала, сунет какую-то гадость в ложечке – выпей! И все.

А я ей за понимание помогала в медпункте убирать. Марина всегда говорила, что мне надо обязательно в медицинское поступить, вроде призвание к этому имеется. Только тетка решила иначе – после девятого класса забрала на хутор, трудно ей, видите ли, одной! Ну так ведь, чтобы ее коз ловить, и взвода погранцов маловато будет.

Когда Марина узнала, что меня забирают, то взяла выходной и выпросила у директрисы разрешение съездить со мной в город, просто так, на прощанье. Вот в тот раз и испробовала я и крутые горки, и свободное падение, очень весело было. Но самое необычное случилось, когда мы уже на вокзале сидели, электричку до райцентра ждали. Марина ушла куда-то, времени было еще завались, и я развлекалась тем, что в упор глядела в спины дремлющим пассажирам. Очень смешно наблюдать, как они вдруг просыпаются и начинают в панике пересчитывать свои сумки и пакеты, не понимая, что их так встревожило.

Вот тогда она и подошла – высокая, рыжеволосая, лицо вроде молодое, а глаза понимающие такие.

– Ты, – говорит, – девочка, пока еще сама не знаешь, какая в тебе сила дремлет, но наступит час, когда захочешь понять, что с ней делать и как дальше жить. Вот тогда приезжай ко мне в гости, возьму тебя в ученицы. Вот тебе моя визитка с адресом, потерять ее невозможно, как будет нужно, сама найдется.

Встала и ушла, как раз посадку объявили на Симферополь, я хорошо запомнила.

Почему я этот случай сейчас вспомнила? Да все просто. Едва придя в себя после странного падения, села, ощупывая пострадавшие бока, и вдруг почувствовала под рукой что-то непонятное. Сунула пальцы в боковой кармашек курточки и обомлела – на ладони лежал, поблескивая золотыми виньетками, зеленоватый прямоугольник картона с выдавленным на нем, давно заученным наизусть именем и адресом. Вот только я прекрасно знала, что он никак не мог тут находиться, потому как стирала куртку всего пару дней назад и все карманы

прилежно выворачивала.

Луч солнца упал на позолоту узора, тот заиграл, заблестел весело, я невольно подняла глаза... и в груди сначала сжалось, а потом громко забухало, заторопилось испуганное сердце.

Место было совершенно незнакомое... и какое-то необычное, я даже не сразу разобралась, чем оно меня так насторожило.

А потом резко, как ведро воды на голову, пришло понимание.

В доме у тетки развлечений негусто, но телевизор все-таки цветной. И антенну она спутниковую поставила, для экономии – на паях с тремя соседями. Вот и коротали мы дождливые холодные вечера возле ящика, или окна в мир, как тетка его звала. Вкусы у нас, конечно, не совпадали: клипы с сумасшедше накрашенными певицами она на дух не выносила, «Папиных дочек» и «Дом-2» – тоже. Зато обожала всякие путешествия, и со знаменитыми ведущими, и без них. Ну а мне куда деваться – приходилось смотреть что дают, у нас и в интернате всегда взрослые пультом командовали.

Вот потому я и поняла сразу, что очутилась незнамо где. Нет у нас на Земле такого места. Чтобы острые скалы всех оттенков фиолетового перемежались мягкими лощинками, заросшими пышно цветущими кустами с сочными листьями диковинной формы и неестественного лимонного цвета.

Вот тут и припомнились мне книжки, какие Мальвина приносила. Интересные книжки, фэнтези называются. В основном про то, как девчонки в чужие миры попадают. Совсем как я сейчас. И один момент меня всегда в них настораживал – слишком глупо они себя вели, эти попаданки, с самой первой минуты. Хватали руками все подряд и совали в рот, словно сумасшедшие экспериментаторы. Еще смело пинали даже самых жутких монстров и по-всякому обзывали всех встречных мужиков, особенно красивых эльфов, а те от такого хамского обращения только восторженно млели.

Еще тогда, в интернате, я про это долго размышляла и для себя решила: если бы мне довелось оказаться в чужом мире, нипочем так не поступила бы. Первым делом спряталась бы понадежнее и носа из укрытия не высывала, не изучив обстановку.

Я гордо обвела взглядом окрестности и с размаху хлопнула себя ладонью по лбу. Ну и чего же я тогда сижу здесь на самом виду, если такая умная?!

Схватила рюкзачок и вмиг скатилась со сравнительно ровной площадки на склоне горки в заполонившие лощинку густые кусты. Несмотря на ярко-синие розы, обильно облепившие стволы, колючи они оказались настолько, что вполне сгодились бы на роль терновых. В которые даже волк лазить не любил.

Внизу, под плотным укрытием ветвей, было сыровато, но меня это не испугало. Не раз случалось отсиживаться и не в таких условиях, когда тетке ни с того ни с сего приходило в голову копать новый погреб или делать внеплановый ремонт. Причем, как назло, обязательно в праздник либо в воскресенье, совершенно наплевав на все мои надежды и намерения. На хуторе и так развлечений почти никаких, так она и последние отнимала.

Собрались мы, к примеру, с девчонками на Восьмое марта в соседнее село сходить, на праздничную дискотеку. А тетка после обеда достает мешок картошки да лопату и радостно так предлагает пойти посадить картошечки, чтобы ранняя была.

Действительно, весна в этом году пришла до срока, снег стаял, и крапива уже из земли на пригорках полезла. Но ведь не факт, что снежку снова не навалит, да и земля еще хорошо не провяла. Ни один дурак еще ничего не сажает, все апрельского тепла ждут. Так я тетушке и отпела, за что получила проповедь часа на полтора и лопату в зубы. И марш-марш картоху сажать. Снег, конечно, через три дня выпал-таки, но я же виноватой и осталась – накаркала.

Все это я припомнила, сидя на рюкзачке в кустах, и так мне грустно вдруг стало. В кои-то веки собралась наконец удрать от настырной тетушки и начать новую жизнь, так на? тебе, принесло откуда-то этот смерч проклятый. Не иначе дыра какая-то между мирами образовалась, откуда он вырвался, а потом меня с собой и прихватил. Другого объяснения я придумать не могу, у меня по физике заплаканная «тройка». Хотя и физикой тут вроде не пахнет... а тогда чем? Ну не магией же?! Кстати, о магии я тоже иногда думала. Да и как не задуматься, когда на визитке, что рыжая дала, было четко напечатано: «Виктория Вяземская, потомственная русская ведьма».

И это, по правде говоря, очень настораживало. Ну вот не верю я в ведьм, хотя и читаю про них с удовольствием. Может, потому, что недавно наш сосед дядя Петя из простого скотника вдруг превратился в колдуна и лекаря. После того как его за пьянку поперли с фермы, он несколько месяцев болтался в городе, говорят, работал в пивбаре, потом торговал на базаре. И вдруг вернулся, да не один, а с чемоданом, полным разных загадочных вещиц. Это его жена Лизка рассказывала, и глаза у нее прямо-таки сияли от восторга.

А вскоре весь хутор с изумлением наблюдал, как дядя Петя выходит по утрам за коровник, приодетый в черный шелковый балахон с непонятными иероглифами на округлившемся пузе, и, подняв руки к восходящему солнцу, бормочет что-то вовсе несуразное. Соседки от любопытства едва с ума не сошли, специально выходили в огороды пораньше, вроде по делам, но ничего из его восклицаний не поняли. А потом тетя Лиза по большому секрету рассказала трем самым болтливым кумушкам, что ее Петечка ходил лечиться к известной ведунье, и она нашла у него талант к целительству. Теперь он сам лечит от всех болезней всю семью и уже вылечил от тяги к табаку своего старшего, а тещу – от радикулита. Народ, конечно, посудачил, поприкалывался, но вскоре потихоньку потянулся к новоявленному лекарю, все же ближе, чем до райцентра полтора часа пилить. Да еще и билеты на электричку снова подорожали, а дядя Петя по знакомству брал не деревянными, а натурпродуктом.

Может, и я бы в его талант поверила, если бы не встретила пройдоху случайно на оптовом аптечном складе, куда приходила с Мариной. Сторожко поглядывая по сторонам, дядя Петя торопливо нагружал упаковками лекарств объемистый портфель, хотя все соседки в один голос утверждали, будто лечит он отварами целебных трав.

Вспомнив про Марину и интернат, я уныло вздохнула и полезла в рюкзак за кусочком хлеба. Хотя уже понимала, что продукты придется строго экономить. Что-то не видно было с горки, когда я озирала окрестности, не только городов, но и захудалой деревушки. Значит, таверны или постоялого двора, что тут у них бывает, мне не попадется еще бог знает сколько. А я ведь сегодня даже не завтракала. И с собой взяла всего ничего, думала, куплю, как обычно, в электричке мороженое или чипсы. Ну что стоило сунуть в рюкзак хоть десяток картошин или тот же творог? Отсюда, из неведомого далёка, желтоватый сочный теткин творог уже не представлялся совершенно несъедобным, как пару часов назад, в конце концов, его можно было вымочить в воде.

И вот тут я сообразила, что именно это и есть моя ближайшая нерешенная проблема. Если еды хоть немного, но имеется, то с водой абсолютный абзац. Ведь я не успела сунуть в рюкзак даже маленькую пластиковую бутылочку, в которой запасливая тетка брала в дорогу ледяной колодезной воды, каждый раз ворчливо поясняя, что чище и вкуснее нигде не найдешь. А если честно, то взять воду я и не подумала. Ведь меня ждал город, где на каждом углу громоздятся в витринах горы всевозможных бутылок с водой и напитками.

Пожалуй, не стоило вспоминать про воду, сразу просто по-страшному захотелось пить. Так сильно, словно три дня ничего не пила. Я минут пять нетерпеливо ерзала на тощем рюкзаке, придумывая уважительную причину, по которой должна немедленно отправиться на поиски ручья или хотя бы лужи, и наконец решительно вскочила на ноги, собираясь с боем прорываться вниз, через неприступную стену кустарника.

И в тот же момент резко присела, даже дыхание затаила. Быстрота реакции, не раз спасавшая меня в интернате, выручила и на этот раз. Всего одного взгляда на склон, с которого я скатилась в эти кусты, хватило, чтобы понять: двое мужчин в непривычной одежде что-то высматривают в цветущем кустарнике.

Хорошо еще, что стояли они ко мне спиной, иначе сразу столкнулись бы взглядами. Кстати, а вот с моими загадочными способностями глядеть туда и не нужно бы, даже сквозь кусты.

Я пригнула голову к коленям и замерла, вглядываясь в камни, проступающие из тощей почвы. И повторяя про себя как молитву: «Пусть они меня не заметят, пусть уйдут!»

Сколько времени я так сидела, толком не поняла, когда чего-то ждешь, минуты тянутся просто как резиновые. А мобильника, чтобы посмотреть время, нет, тетка считала, что такое баловство мне абсолютно без надобности. Зато я, ей наперекор, наотрез отказалась надевать совершенно не модные в наше время часики. Тем более дешевые китайские. Сейчас-то и от таких бы не отказалась, вот только как они станут тут работать, еще тот вопрос. Может, в здешних сутках сорок часов или, наоборот, всего пять.

Что-то захрустело, захрупало со стороны, противоположной той, где стояли чужаки, и я насторожилась. Звуки были точно такими, словно на меня

надвигалась косилка. Был у нас в соседнем районе несколько лет назад страшный случай, заснул мужик по пьяни в эспарцете... теперь ходит на костылях и всем рассказывает, как ему неслыханно повезло. Зато я с тех пор по полям хожу, не теряя бдительности, и, едва застрекочет поблизости какой-нибудь трактор, со всех ног несусь в посадку.

Привстав с рюкзака, пытаюсь на полусогнутых прорваться вправо, потом влево... и отчетливо понимаю: выход у меня только один – назад, на горку, к тем незнакомцам. Хотя я и опасаясь их до дрожи в коленях, но неизвестного агрегата боюсь еще больше. Угодить на костыли всегда казалось мне самым ужасным, что может случиться с человеком.

Начинаю яростно прорываться назад, но кусты, так легко пропустившие меня под свои ветви, теперь почему-то очень не хотят со мной расставаться. Колючие, гибкие веточки просто репьями вцепились в куртку и свитер, и несколько шагов, которые мне дались с величайшим трудом, вымотали сильнее, чем окучивание сотки картохи. А хруст ломающего кусты комбайна, или что это там еще, уже почти рядом, заставляя в панике рвануться со всех сил и, как следствие, запутаться намертво.

– Остановись, незнакомец, не торопись! – произнес оттуда, куда я рвалась со всей дури, звонкий голос, настолько мелодичный, что возникло законное сомнение, а действительно ли там, на горке, только мужчины. – Сейчас фуссо проделает просеку, и ты по ней выйдешь.

«Непонятно, к кому это он обращается», – мелькнуло в голове и пропало. Ужас перед жутким механизмом гнал вперед со страшной силой, в ушах даже зазвенело от напряжения. Желание убраться подальше от приближающейся опасности стало главным в жизни, таким яростным, жгучим, что почудилось, будто воздух вокруг меня начал греться, а лимонного цвета листья – как-то непонятно подрагивать, словно пытаюсь отодвинуться.

И в этот момент один из мужчин раздвинул настырные ветви и, ухватив меня за руку, сильно дернул к себе. Нет, рука не оторвалась, хотя и были у меня пару секунд такие ощущения, даже вывиха не случилось. Произошло гораздо худшее: рукав моей старенькой курточки не выдержал и порвался. Причем не так, как обычно отрываются рукава в кино, ровненько по шву, нет, швы-то как раз выдержали, видать, качественные нитки были у китайцев. Треснула сама ткань в районе локтя, и возмущение, которое я испытала по отношению к непрошеному

помощнику, очень помогло мне не опозориться в следующий момент.

Потому как именно в эту секунду я и увидела вблизи того, кому была обязана потерей единственной куртки. А позором всегда считала восторженные взгляды, которыми награждают некоторые девчонки красивых парней. Нет, высокие, симпатичные мне и самой, конечно, нравятся, но в этом я и под расстрелом никому не признаюсь. И тем более это не значит, что желаю каждому такому на шею бросаться.

А спаситель был очень хорош, я это рассмотрела в те несколько мгновений, пока мерила его сердитым взглядом. Глаза голубые и фантастически прекрасные, как у дорогой фарфоровой куклы, я таких по ящику видела. А волосы... ну нет у наших парней таких волос – словно парик из серебристой фольги, так и сияют. Никаким «Хед энд шолдерзом» так не намоешь. В общем, не мужик, а картинка с обложки журнала – причем очень дорогого. И одежда необычная... нет, толком не опишу, не хватало еще шмотки на чужих парнях так же спокойно изучать, словно они манекены.

Заметила, конечно, что все совершенно чужое, даже смешным кое-что показалось, но в тот миг мне было вовсе не до того.

– Какого колобка ты меня так за руку дернул?! – выверилась я, едва ощутив под ногами каменную твердь. – Еще и куртку порвал! Что, дурную силу некуда девать?!

В приветливых ясных глазах промелькнуло изумление, а за ним, словно надежно прикрытое пологом невидимости, тенью скользнуло нечто такое жесткое, нечеловеческое, что у меня на голове под кепкой даже волосы от ужаса шевельнулись. А чужак уже снова лучезарно улыбался во весь рот и своим необыкновенным голосом феи из какого-то мультика просил у благородного незнакомца прощения за свой нечаянный проступок. Он ведь лишь желал помочь выбраться из зарослей колючей погибели, а что куртку порвал, так не беда, тут неподалеку его дом, и в гардеробе найдется подходящая одежда. И под мелодичное журчание этих слов, просто сочащихся доброжелательностью и любезностью, леденящий душу ужас, что я испытала минуту назад, начинал казаться чем-то невыносимым, едва ли не самообманом.

И тут я наконец сообразила, что это он меня все время крестит незнакомцем, – значит, за парня принял. Ну да это-то как раз и неудивительно, женщины и у нас во многих странах брюк не носят.

Зато куча других вопросов вылезает, но не настолько уж я лопухая, чтобы их сейчас задавать. Мне бы только слинять отсюда под благовидным предлогом, который почему-то никак не желает придумываться.

Шорох и хруст раздались прямо за спиной, и меня словно порывом ветра кинуло подальше от кустов.

– Не бойся, это Фуссо, – с тонкой усмешкой успокоил меня правильно понявший этот маневр плейбой. – Он всего-навсего мое домашнее животное.

И снова в голосе чужака скользит еле заметная язвительность, вот только мне некогда разгадывать ее причины, – из просеки, проделанной в кустах, вылезает нечто настолько ужасное, что я бы завизжала и рванула куда подальше, если бы хозяин монстра это не предусмотрел. И потому стою, выловленная за целый пока рукав, а рука незнакомца держит его так крепко, что мне невольно взгрустнулось по тетушке. Вот от нее я выкручивалась за пару секунд.

А от этого – пока подожду, но только до того момента, пока не появится ясность, куда бежать-то. Вылезший из кустов монстр тем временем пришлепал поближе и послушно замер перед хозяином. Нет, я и тут не завизжала – и пострашнее видела. В компьютерной игре. Есть у одной моей подружки комп, и даже модем к нему. Натуральный наркотик, хотя ее предки почему-то рады. Светка с нами ни на речку, ни на дискотеку в Ивановку не бегают; как дела по хозяйству переделала, так в свой инет лезет. У нее там тоже вроде как друзья, только я этого не понимаю. С одной стороны, живые, даже поговорить можно, а с другой – как надоест им или настоящие придут, отсоединяются – и сиди с намытой шеей. Вот тогда она игрушку и включает, там у нее тоже друзья и монстры различной степени пакостности.

– Молодец, Фуссо, – небрежно кивнул незнакомец, – хорошо поработал, получишь сегодня кусок мяса. Иди за нами.

Жуткая тварь ростом со стол, напоминающая краба на куриных ногах, послушно обойдя нас, замерла позади. Чужак потянул меня за локоть, и я безропотно

шагнула вперед, прекрасно понимая – сбежать от них сейчас мне и близко не светит.

Впереди топает так ни слова и не сказавший спутник сереброволосого, сзади – его монстр. А рядом он сам, продолжая крепко меня придерживать, вроде как с благими намерениями не дать споткнуться. Хотя мне тетушка все уши прожужжала, повторяя, что благими намерениями выстлана дорога в ад. Да и мой собственный жизненный опыт подтверждает: никто ничего за просто так случайно встреченному незнакомцу делать не будет. Значит, нужно им от меня что-то, вот как бы еще узнать поточнее?

Если бы он с первого взгляда определил во мне девчонку, тогда я могла бы предположить один совершенно невероятный вариант – что заинтересовала такого красавца как жертва для извращенного сексуального эксперимента. Для всего остального у такого парня должно быть не менее батальона поклонниц.

Но поскольку этот вариант, к моей несказанной радости, отпадает, версий, за каким фигом ему потребовался выуженный из колючих кустов парнишка, у меня ноль целых и ноль десятых. Кроме самых жутких, разумеется, но их я пока стараюсь гнать из головы. Чего себе заранее нервы портить, а вдруг еще обойдется? Надежда, как все говорят, умирает последней.

Куда мы топаем, пока непонятно, по самому дну лощинки вьется пробитая в зарослях просека, точная копия дорожки, проделанной к моему убежищу монстром. Припомнив его огромные передние лапы, похожие на клешни рака, начинаю догадываться, кто именно ее и прорубил. Очень полезная домашняя зверушка. Подозреваю, что с такой можно гулять без опаски в любом лесу, битком набитом хищниками. Что ему какой-то хищник, если под ногами мне иногда попадаются чисто срезанные стволы толщиной в руку?

«О-ох! Ну и лохушка же ты, Катерина! А еще считалась ушлой и осмотрительной! А такой простой вещи сразу не сообразила!» – пилила я себя любимую за свою недогадливость. Совсем мозги растеклись, едва тебе пару раз улыбнулся красавчик-абориген. До того докатилась, что утратила бдительность и не смогла сложить два и два, хотя обычно быстрее всех в интернате решала заковыристые задачки по логике и всегда угадывала еще в начале детективов, кто окажется убийцей. Простую вещь не сразу заметила – что пеньки на просеке, по которой тебя ведут, еще мокрые от сочащегося сока.

Значит, эта скала – вовсе не любимое место для каждодневных прогулок туземцев, и пробивались они на нее с какой-то целью. А если добавить тот факт, что, встретив меня, туземцы резко расхотели гулять, то и вывод тут только один.

Не знаю, как уж они проведали, что я там сижу, но шли именно за мной. И от осознания этого ясного факта мне стало как-то очень не по себе. Даже захотелось назад, к тетке, все же не такая она и вредная, просто жизнь у нее тяжелая. И творог она меня три дня есть бы не заставила, это-то точно. Хоть и крута иной раз бывает, но отходчива, уже к обеду, поглядев на мое нарочито несчастное лицо, отобрала бы злосчастную миску и бухнула на стол полную тарелку моей любимой картошки, жаренной тоненькими румяными ломтиками с хрустящей корочкой. Я украдкой вздохнула и задвинула эти воспоминания подальше. Мне не ностальгию сейчас разводить нужно, а о своей шкуре подумать. И постараться как-нибудь разведать, зачем все-таки я им понадобилась.

А для этого я знаю лишь один способ – нужно включить дурочку. Вот только пока этого делать не стану – рановато. Сейчас для меня самое правильное – поменьше говорить и побольше слушать, а еще лучше – постараться запомнить все, даже самые мельчайшие детали. Неизвестно, что может помочь выбраться на свободу, все-таки надежда... Ну про это я уже упоминала.

– Высоты не боишься? – с очень доброй улыбкой смотрит холодным испытующим взглядом красавчик. – Кстати, мы еще не познакомились. Мое имя Роул, а твое?

– Кэт, – произнесла я с легкой запинкой свою уличную кличку, чудом успев в последний момент поймать вертевшееся на языке «Катя». – А высоты не боюсь.

– Тогда садись, Кэт, – показывая на стоящее на ровной площадке странное сооружение, предложил Роул. – Я пристегну.

Сердце затрепыхалось от предчувствия опасности: садиться в непонятное креслице, словно срезанное в интернате с качелей для младших и установленное на торчащие в стороны ножки, не хотелось категорически. Однако Роул смотрел ожидающе, а стоящие неподалеку два таких же сооружения вселяли слабую надежду, что это кресло вовсе не пыточное. Я в последний раз оглянулась на замершего в двух шагах от меня Фуссо... Нет, не

убежать мне от него, – и, не снимая с плеч рюкзачка, обреченно опустилась на сиденье.

Довольно мягкое и комфортное, к моему изумлению. Роул ловко пропустил между подлокотниками широкий кожаный ремень и закрепил его сбоку. На вторые качели шустро взобрался монстр, и его приматывал молчаливый напарник Роула, на третье сел он сам.

Несколько минут не происходило ровным счетом ничего, и я успела почти расслабиться, как вдруг по площадке метнулись темные тени, и чьи-то огромные крылья мелькнули перед моими глазами. В тот же миг я почувствовала, что земля под моими кроссовками провалилась. Зажмурив глаза и сжав зубы, чтобы не завизжать, изо всех сил вцепляюсь пальцами в подлокотники и несколько мгновений жду страшного удара... пока по бьющему в лицо потоку теплого воздуха не начинаю понимать, что именно произошло на самом деле. Это не земля провалилась, это я лечу. Опасливо приподнимаю ресницы и сразу захлопываю снова, столько солнца и ветра рвется мне прямо в лицо. Эх, жаль, что рюкзачок сейчас не достать, там должны быть солнцезащитные очки, если не забыла бросить.

Полет продолжался недолго, минут десять, потом под ноги внезапно ударила земля, и стих бьющий в лицо ветер.

– А ты молодец, Кэт, и правда не боишься высоты, – прозвенел рядом серебристый голос хозяина, и я осторожно приоткрыла глаза.

Чтобы от потрясения тут же распахнуть их во всю ширь. Там, на горке, когда Роул сказал, что у него неподалеку дом, мне вначале представился небольшой домик вроде теткинго. Когда он сказал про гардероб, дом, появившийся перед моим мысленным взглядом, заметно подрос и стал добротным, как особняк председателя колхоза.

Но то строение, что возвышалось теперь перед моими глазами, было по меньшей мере дворцом. Необыкновенно, поразительно, волшебным красивым дворцом для сказочного принца. Причудливо сложенным из фиолетового местного камня, отполированного до зеркального блеска. Вокруг дверных и оконных арок, а также по замысловатым выступам, названий которых я не знала, вился потрясающе изящный орнамент, выложенный из того же камня, только более

светлых, тщательно подобранных оттенков.

– Красиво? – заметив мой восторг, усмехнулся Роул, и снова почти незаметная тень холодного превосходства скользнула в его голосе.

Теперь я точно знала, что не ошиблась. Меня в таких вещах обмануть трудно – в интернате высокомерный тон и снисходительные взгляды научилась чувствовать даже спиной. Значит, мое положение еще хуже, чем можно было надеяться. Да тут любому дураку ясно: не станет хозяин таких хором просто так лазить по горам, чтобы спасти из колючих кустов какого-то заблудившегося парнишку. Даже если предположить, что душа у него необычайно добрая и ранимая, мог бы в лучшем случае слуг послать с тем же монстром.

– Очень, – ответила я честно.

Врать в том, что ясно и без слов, смысла не имеет, да я и в принципе против вранья. Совершенно другое дело – дезориентация врагов, но до такого поворота события пока не дошли, и я очень надеялась, что и не дойдут.

Хозяин скривил в ответ уголок рта, нетерпеливо постукивая ногой, пока прибежавшие парни в одинаковой униформе споро отвязывали нас от сидений. Едва слуги сняли ремень, Роул стремительно вскочил с кресла и куда-то помчался, по пути небрежно кивнув в мою сторону.

«И опять я оказалась права», – украдкой горько вздыхаю, топя вслед за лакеем, молча, но настойчиво давшим понять, что от меня требуется. Теперь я уже сто раз пожалела, что не попробовала сбежать там, на горке. Хотя бы убедилась, что не упустила ни одной отпущенной мне судьбой возможности. А вот отсюда не стоит даже пытаться. Вокруг дворца высятся, просвечивая сквозь ветви деревьев, неприступные стены все из того же камня, а за ними – еще более высокие скалы. Я, конечно, занималась в интернате спортом, там слабому не выжить, но скалолазанием никогда не увлекалась. Нет вокруг нашего райцентра ни одной горки, и даже вокруг города их нет. Потому и не выйти мне из этих скал, даже если смогу перебраться через стену.

Слуга открыл передо мной дверь и с непроницаемым выражением лица застыл рядом с ней. «Та еще сволочь, привел пленника незнамо куда, и даже объяснить ничего не желает», – обозлилась я, проходя мимо. А комнатка-то не для дорогих

гостей, как я погляжу. И обстановка вся каменная. Стол, скамья и даже невысокое ложе. Ну еще бы, у них тут горы под боком, ковыряй себе сколько хочешь. Правда, на лежанке что-то меховое постелено, и на том спасибо.

Я шлепнулась на этот мех и уныло уставилась на захлопнувшуюся дверь. Судя по обращению, церемониться со мной никто не собирается. А ведь как учтиво хозяин в горах разговаривал, хотя мог бы и сразу приказать.

Или не мог? Почему мне кажется, что я что-то пропустила? Или не успела обдумать как следует? Ну так теперь самое время. Думай, Катька, думай, пока есть возможность.

Возможности подумать мне не дали: дверь бесцеремонно распахнулась и в комнатку вошла крепкая женщина, похожая лицом на лакея, что привел меня сюда. Как родная сестра. Из-за этой похожести я ее невзлюбила с первой минуты и настороженно следила за каждым уверенным движением. А вошедшая спокойно занималась своим делом, не обращая на меня никакого внимания.

Разложила на скамье какую-то одежду, явно мужскую, поскольку сама была одета в темную широкую юбку до щиколоток и пеструю старушечью кофту. Двое слуг притащили высокий таз и ведра, очевидно, с водой.

Они что, думают, я сто лет не купалась, что ли?! Что сразу ринусь бултыхаться в этом дурацком тазу? Да у меня даже у тетки, несмотря на то что деревня, ванная в доме! Хотя и с газовой колонкой.

А служанка тем временем закончила все приготовления и ушла. Зато вошел ее молчаливый брат, теперь я была в этом почти уверена, и показал мне на таз.

– Не-а, – мотнула я головой. – Не желаю.

– Надо. – Слуга сдернул меня с лежанки.

– Я тебе говорю – нет! – обозлилась я. – И вообще, выйди отсюда.

– Я помогу, полью. – Молчальник тоже начинал сердиться, но допустить, чтобы меня купал мужик... ну уж нет, лучше сразу в окно.

Резко выдергиваю из его руки многострадальный рукав куртки и меряю упряма ненавидящим взглядом. Вот бестолковый, никак не желает понимать очевидного. Не сдамся я.

- Надо! – решительно прикрикнул он и сорвал с моей головы кепку.

Коса, второпях кое-как собранная под кепку, расплелась, и волосы пышной гривой упали мне на лицо, но я все же успела разглядеть, как потрясенно вытянулось его лицо. Еще несколько мгновений он разглядывал мои щеки, покрасневшие от возмущения, потом резко развернулся и почти бегом выскочил из комнаты. Не забыв, однако, плотно прикрыть дверь и брякнуть снаружи засовом.

«Ну вот теперь, Катерина, начинается самое интересное», – недовольная тем, что невольный обман раскрылся так скоро, мрачно объявила я себе, снова шлепаясь на мех. – Вот только не факт, что тебе это понравится. Вполне возможно, сейчас ты потеряла последний шанс на свободу... или даже на жизнь».

«Но хоть немного подготовиться все же не помешает», – твердил свое безрассудный оптимизм, и я, скорее от растерянности, чем по здравому смыслу, достала из рюкзака щетку. Расчесала волосы, заплела, свернула кольцом и посадила крабика. Потом, криво подмигнув зеркальцу, мазнула по губам блеском, а по ресницам тушью. Помирать так с музыкой.

И приготовилась ждать, как совершенно чужие люди чужого мира решат мою судьбу. Заранее уверенная: каким бы ни оказалось это решение, мне оно не понравится.

Однако, как ни странно, ждать пришлось всего несколько минут.

Снова громыхнул засов, и в комнату ворвалась давешняя служанка. Уставилась на меня недоверчивым взглядом, потом стремительно шагнула вперед и рванула рукой ворот куртки, пытаюсь ее распахнуть.

Сообразить, что она еще собирается сделать, я элементарно не успела, автоматом сработала отточенная в интернате самооборона. Резкий выпад костяшками правой руки в нос обидчице, и сразу удар левой ногой под колено.

Служанка охнула и согнулась, выпустив от боли мою куртку, а я отскочила к приоткрытой двери. Если хочет дать сдачи, то пусть сначала догонит.

Осторожно высунула нос за дверь и обнаружила, что коридор пуст.

Ха. А почему бы нам не поиграть в прятки? Какое-никакое, а развлечение. Быть может, последнее в жизни. Выскочив в коридор, захлопываю дверь и с неожиданным для себя удовольствием опускаю тяжелый засов. Ну вот и первые положительные эмоции.

В какую сторону теперь?

Точно помню, мы пришли справа, и там мне ничего интересного не встретилось. Значит, идем налево. Не тратя драгоценных секунд на раздумья, бегу по широкому коридору, время от времени останавливаясь возле дверей и прислушиваясь к тому, что творится за ними. И не забывая бдительно приостанавливаться перед пересечениями с другими коридорами и лестницами.

И все же чуть не попалась. Уже почти шагнула за угол очередной арки, выходящей на лестницу, как заметила спускающихся по ней мужчин. Первым топал Роул, второй шел следом, и его разглядеть я просто не успела.

Метнулась было назад, да заметила – и с той стороны в коридор кто-то вошел. Вот это я попала. Безо всякой надежды, просто так, на всякий пожарный, толкаю ближайшую дверь, и вдруг она мягко, без скрипа, подается внутрь. Одного мгновения хватило мне, чтобы скользнуть в плохо освещенное помещение и захлопнуть за собой дверь. Да еще и засов задвинуть, оказалось, в этой комнате он изнутри. Значит, я все-таки была пленником, пропали последние слабенькие сомнения, иначе не посадили бы под замок.

Ну так пусть теперь поищут, а потом еще и ломают двери. Сама я их открывать не собираюсь. Поправив на плече рюкзачок, отправляюсь исследовать захваченную территорию и первым делом раздвигаю плотно сдвинутые тяжелые портьеры на окне. Веселые солнечные лучи ворвались сквозь толстые неровные стекла, расписанные разноцветными узорами, осветили мириады пылинок, поднятых моими решительными действиями.

Хм. Похоже, эту комнату давно не пылесосили, и если вдуматься, это даже хорошо. Просто замечательно. Следовательно, постоянно никто тут не живет, и, возможно, скоро не вернется.

Я уже спокойнее и внимательнее оглядела довольно просторное помещение, делая одно за другим удивительные открытия. Судя по всему, тот, кто обставлял эту комнату резной деревянной мебелью, делал это с большой заботой и любовью. Именно так когда-то папа оборудовал мне детскую. Я до сих пор помню каждую мелочь и каждую картинку на обоях, хотя мне не было и двенадцати, когда родителей не стало.

В этой комнате, которой по размеру скорее подходит название «зал», все устроено так удобно и уютно, что сердце кольнула невольная зависть к уехавшему владельцу. И горькое сожаление, что мне тоже вскоре придется ее покинуть. Абсолютно не по своей воле.

А пока немного полежу на удобном диванчике, лишь пыль сперва стряхну. Вот только чем? Я медленно прошла вдоль стен, открыла одну дверцу, другую, надеясь, что какая-нибудь ненужная тряпка сама попадет на глаза. Но в шкафах висели лишь очень нарядные мужские костюмы примерно на мой рост. А за последней дверцей оказалась туалетная комната с маленьким круглым бассейном из полупрозрачного розового камня.

Стало быть, аборигены все-таки не такие уж отсталые, и в медных тазиках купают исключительно пойманных пленников.

Как бы еще разузнать, зачем они нас ловят?

Некоторое время спустя я обнаружила, что в задумчивости убрала почти всю комнату. Стерла пыль, стряхнула у входа меховые накидки и уже домываю полы. Великая сила привычки. Всегда, когда хотела разобраться в себе или в очередном конфликте, шла к Марине и начинала мыть медпункт. И ей польза, и у меня, пока руки делают привычное дело, в мозгу само собой складывается правильное понимание ситуации.

А вот сегодня почему-то никакой ясности в голове нет, хотя я уже старенькую рубашку, которой мыла полы, пристраиваю сушить возле шкафчика в ванной.

Вот и все, чистота и порядок. И заняло не больше часа, судя по моему опыту. Интересно, а почему это из коридора не слышно суеты, криков, топота? Меня что, искать никто не собирается?! Время-то к обеду, а я сегодня и не завтракала. Тот кусочек хлеба, что в кустах сжевала, ведь даже завтраком назвать совестно.

Вот зря я вспомнила о еде – сразу в животе закрутило, словно неделю голодаю по методу того дядечки, которого так любит смотреть по ящику моя тетка.

«А, семь бед...» – вздыхаю, доставая из рюкзака свои припасы, чего их беречь, может, мне и жить-то осталось считанные часы.

Порезала сало и остаток хлеба, сделала бутербродики – салбургерами мы такие зовем, и пожалела, что кипяточку нет, чай заварить. Да и сахар я взять не догадалась, так ведь и собиралась-то вовсе не сюда. Принесла в кружке воды из ванной погорячее, сунула туда пакетик, делать нечего, придется таким обходиться.

Сажу в удобном кресле, жую салбургер, бледным чайком запиваю и непрерывно решаю в уме задачу, в которой нет ни одного известного значения. Но от решения которой зависит вся моя жизнь.

На тихое шипение вначале внимания не обратила, занятая своими мыслями, а потом всполошилась, обернулась... и едва не подавилась.

Рядом со мной стоял на своих гигантских куриных лапах Фуссо, непонятно откуда взявшийся в моем убежище, и, угрожающе размахивая страшными клешнями, злобно фырчал. Судя по поведению, монстр был в ярости, и причиной ее была, разумеется, я. Наверное, это Роул заставил его меня искать...

Вот тут мне внезапно вспомнились слова хозяина про большой кусок мяса, сказанные с каким-то подтекстом, и страшная догадка зародилась в мозгу. Это не меня ли он имел в виду? «Хотя нет, – отлегло от сердца, – это вряд ли. Мясо не возят в креслах, можно просто в мешке».

Фуссо снова зашипел по-змеиному и звонко клацнул клешнями.

– Хочешь сожрать меня – так жри, только побыстрее! – обозлилась я. – А над ухом щелкать нечего.

Монстр замер, словно понял сказанное, и перестал шипеть. А потом и вовсе клешни к пузу подтянул.

– Вот и умничка, – сочла нужным похвалить его.

А чего теряться? Моя тетка со всеми живыми существами разговаривает и всерьез утверждает, что они ее понимают.

– На? лучше сала попробуй, – вспомнив, что всякий результат нужно закреплять, протягиваю монстру последний салбургер.

Он смотрел на меня и салбургер своими жуткими фасетчатыми глазами, и мне прямо-таки виделось, как под его плоской черепушкой ворочаются примитивные мозги. «Еще не поймет, что именно брать нужно, и как цапнет за руку!» – пришла встревоженная мысль, заставив меня почти бросить салбургер перед Фуссо и отдернуть ладонь.

Он или она, а может, и вовсе оно осторожно подхватило еду кончиками клешни, поднесло к глазам, внимательно изучая, затем сунуло в разинутую пасть. Очень жуткую, у меня от этого зрелища аж салбургеры в желудке испуганно в комок сжались.

По форме как у лягушки, от одного ушного отверстия до другого, только полметра длиной и густо усеянную тонкими, чуть загнутыми клыками.

А монстр стоит неподвижно и то ли еще подачи ждет, то ли обдумывает, а не пора ли приступить к основному блюду.

– Больше ничего нет, – сообщила я безнадежно. – Иди, зая, гуляй.

А как его еще звать, если он слова понимает? Назовешь уродом, еще обидится и сожрет. Хотя сожрать меня он и безо всякой обиды запросто может.

Монстр пару секунд покачался на своих кривых лапах, повернулся и потопал к двери.

«Интересно, а что это он делать собрался?» – всполошилась я.

И правильно встревожилась. Дотопав до дверей, – кстати, передвигается он, оказывается, очень быстро, – Фуссо вмиг отодвинул засов и потянул ручку на себя.

– Нет! – еще успела крикнуть протестующе.

Поздно – несколько стоящих за дверью субъектов, видимо, давно этого ожидали.

Первым в комнату решительно шагнул Роул и уверенно направился ко мне. За ним шел тот молчун, что остался на горе, как я подумала в тот момент. Значит, не остался, и его тоже принесли неизвестные существа с крыльями. Следом за ними почтительно семенила служанка с обиженной физиономией, на которой свежесозревшей помидориной выделялся распухший нос. А сзади топал ее братец.

«Надо же, сколько взрослых аборигенов на одну иномирную пацанку», – фыркаю про себя, с интересом ожидая начала разбираловки. А что мне еще остается?

Остановившись прямо передо мной, Роул пару секунд внимательно разглядывает мое лицо таким холодным изучающим взглядом, словно он участковый, пришедший в интернат выяснять подробности пропажи простыней из шкафов кастелянши. И под этим испытующим взором я осознаю окончательно – ничего хорошего или доброго ждать от этого человека не стоит. Впрочем, а с чего я решила, что он тоже человек? Если верить книжкам, в этих мирах кто только не живет, всех сразу даже не припомню.

– За что ты ударила Бишу? – своим необыкновенным голосом спрашивает хозяин, и хотя ни в его тоне, ни в вопросе нет ни капли угрозы, холодок, скользнувший по спине, заставляет зябко передернуть плечами.

– Потому что не выношу, когда меня хватают за одежду, причем грубо, – дерзко выпалила я, прежде чем успела вспомнить недавнее решение быть терпеливой и

осмотрительной.

- Почему же ты не ударила меня?

Каверзный вопрос. Вот только интернатская жизнь каждый день ставила передо мной не менее неразрешимые проблемы, например, как не дать старосте списать реферат по истории и одновременно не нажать в ее лице кровного врага.

- Ты меня спасал, - тихо лепечу, честно уставясь в невыносимо прекрасные глаза, и сразу скромно опускаю взгляд, очень надеюсь, что это будет расценено как смущение.

Непроизвольно искривившая красивые губы самодовольная ухмылка подтвердила, что желаемого эффекта я достигла.

- А почему сразу не сказала, что ты не мальчик? - Голос Роула стал чуть мягче или мне только показалось?

«А может, это очередная каверза», - одернула глупую надежду недремлющая бдительность.

- Меня никто не спросил, - бурчу с преувеличенной обидой, дескать, сами виноваты, что приняли девочку за мальчика.

- Биша назначена твоей служанкой, надеюсь, никаких недоразумений больше не будет? - не столько спрашивает, сколько приказывает хозяин.

Я усиленно киваю, упорно не желая давать никаких обещаний, - эта ябеда вызывает во мне все большее раздражение.

- Вот и отлично. - Довольная усмешка змеится по губам хозяина, и он, уже повернувшись к выходу, небрежно бросает на ходу: - Тогда отправляйся в свою комнату.

- А можно, - летит вслед моя нахальная просьба, - я буду жить здесь?

Роул остановился и обернулся так круто, что мне показалось, он сейчас упадет.

– Эта комната занята.

Слишком резко и категорично, даже голос на миг потерял свою мелодичность и в нем проскользнули скрипучие нотки.

– Но тут было так пыльно, как будто очень давно никто не входил, – еще спорю я, хотя рассудком уже понимаю, насколько большая глупость с моей стороны – перечить хозяину.

– Биша? – чуть повернул к служанке голову Роул, и у нее затряслись побелевшие пальцы.

Ну вот, теперь наша антипатия будет обоюдной.

– Ваша светлость... так ведь он...

Больше Биша ничего не успела сказать – Роул грубо перебил ее, отсылая из комнаты повелительным движением руки.

– Хорошо, живи здесь. – Мне показалось или в его дивных очах на самом деле мелькнул отблеск бешеной ярости. – А ты, Фуссо, с этого момента за нее отвечаешь.

Не дожидаясь, пока я пролепечу слова благодарности, хозяин четким шагом покинул комнату, всем своим видом давая понять, как возмущен моей наглостью. Его спутник, так и не проронивший ни слова, тенью скользнул следом. Дверь закрыл ушедший последним слуга, и мы остались вдвоем с монстром.

Вот только страха перед этим гигантским крабом на куриных ногах у меня больше не было ни грамма. Ведь если он настолько разумен, чтобы за кого-то отвечать, значит, жрать точно не станет. Да и побоится гнева хозяина, без лишних объяснений понятно, что наказания в этом прекрасном дворце намного суровей, чем просто выговор.

Усевшись на стоящий у стены диванчик, пытаюсь хоть немного разобраться в ситуации. Пока непонятно, к худу или к добру я расшифровалась, но что хозяину от меня что-то нужно – это несомненно. Теперь моя главная задача – понять, что же именно. И при возможности постараться не лохануться, если будет хоть какой-то шанс выторговать себе жизнь, а еще лучше и свободу.

В дверь что-то громко стукнуло, я машинально крикнула: «Да!» Но стук повторился еще и еще... и наконец стало понятно – никто к нам не стучится, это к двери прибивают засов.

Забравшись с ногами на меховое покрывало, поудобнее подталкиваю под голову рюкзак и устало закрываю глаза. Если бы заранее знала, чем закончится побег от тетки, заперла бы изнутри все двери в доме и ключи в форточку выбросила.

«Интересно, а кушать тут когда-нибудь дают?» – мелькнула напоследок грустная мысль, и сон накрыл меня тревожной темнотой.

– Щас я встану... и все сделаю... еще одну минуточку... всего одну... – бормочу, не открывая глаз и стараясь натянуть одеяло на голову. – Ну тетя, вот честное слово... уже встала.

Тетка, как обычно, ни на миг не поверила моим обещаниям и решительно сдернула одеяло.

– Ну тетка... – жмурясь от света и поджимая под себя ноги, обиженно заныла я. – Ну имей совесть!.. Всего минуточку, и я как штык подою твою Зорьку!

Тетка зашипела рассерженной змеей и дернула за штанину. Еще до конца не проснувшись, автоматически отдергиваю ногу и слышу подозрительный треск.

Сон как рукой сняло. Распахиваю глаза и обнаруживаю нависшую надо мной зубастую пасть Фуссо. Перевожу взгляд дальше, проверить, что же все-таки трещало... Ну ничего себе сюрпризик! Одна штанина почти новых джинсов снизу словно ножом разрезана.

– Что ж ты, скотина, творишь?! – напустилась я на монстра, не обращая никакого внимания на его страшную клешню, болтающуюся перед моим лицом. – Ты знаешь, что я на эти джинсы почти год деньги откладывала?! А теперь их можно выбросить! Разрезы, конечно, – модно, но не там! Ну за каким колобком ты меня вообще будил? Хозяин, что ли, велел?

Фуссо зашипел еще сильнее, словно злится на что-то, уродина. И если мне не почудилось, то вроде как зовет непонятно куда.

– Ну ладно, что там у тебя? – бурчу с досадой, втискивая ноги в кроссовки. – Показывай.

Нет, с мозгами у этой скотины точно не все в порядке. Только подумать, он рубашку, которой я полы мыла, на кровать притащил и на меховом одеяле, или как оно называется, разложил! И теперь сердито на меня шипит, клешней над этой тряпкой размахивая.

– Нельзя было этой рубахой пол мыть? – предположила я и по разъяренному фырканью поняла, что угадала. – Но она же старая, посмотри – на локтях потерта, и ворот тоже... Там в шкафу много хорошей одежды, не переживай, когда хозяин комнаты вернется, он про это старье и не вспомнит!

Услышав мои объяснения, Фуссо просто озверел от ярости – подскочил к шкафу, выхватил несколько первых попавшихся вещей и вмиг взбешенно искрошил их на лоскутки.

«Черт, наверное, эта рубашка как-то связана в его примитивном мозгу с хозяином комнаты», – расстроилась я. Может, именно ее тот надевал, когда выводил Фуссо на прогулку... или кормил... не важно, но его злость мне понятна и близка. Точно так же я до сих пор свято храню мамину перчатку, которую она случайно оставила в прихожей в тот проклятый день, и папины домашние очки, он их терял по пятнадцать раз за вечер.

– Слушай, зая, а давай я ее отстираю и попробую зашить, раз она тебе так дорога? – чувствуя свою вину, пытаюсь договориться с чудищем, все-таки нам еще долго общаться придется... надеюсь, что долго.

Но он мне, похоже, не поверил. Или не понял, что я сказала? Рубашку, то есть теперь уже половую тряпку, утащил в дальний шкаф и там спрятал, а к дверце шкафа скамеечку приставил, единственную, которая в комнате была не из дерева. На ней до этого горшок с полузасохшим растением стоял, теперь он в угол задвинут.

В полной оторопи от его выходок направляюсь назад к диванчику за рюкзаком и нечаянно обнаруживаю, что на столе неизвестно когда появились тарелки, вилки, кувшинчик с кружкой, а самое главное – прикрытые крышками горшочки и миски, которых там раньше не было.

Обед! Вот это хорошая новость! Немного поздно, но лучше уж поздно, чем никогда. Без излишней скромности шлепаюсь на стул и начинаю снимать крышки. Уговаривать поесть меня не придется, да на самом деле и некому. Наверное, еду принесли, когда я спала. Могли бы и разбудить ради такого благого повода.

В одной из мисок обнаружили булочки, вполне земные на вид. В другой – нечто, отдаленно похожее на кашу. В небольшом горшочке – какой-то то ли суп, то ли соус. А в последнем, широком и низком, горшке – несколько румяных кусков жареного мяса, от одного вида которых я пришла в отличное расположение духа. Вот теперь я согласна и взаперти посидеть, с таким-то меню.

Знакомое шипение раздалось рядом, едва я взяла в руки двузубую вилку с непривычно длинной ручкой и положила на взятую из стопки тарелку булочку.

– Фуссо, – чувство вины еще не выветрилось из моей души, – хочешь кушать?

Наколов на длинную вилку самый большой кусок мяса, протягиваю монстру, и он мгновенно исчезает в страшной пасти. Следующий кусок кладу на свою тарелку, но молниеносное движение клешни в тот же миг отправляет его следом за первым. «Ну ничего, там еще достаточно», – успокаиваю себя, потянувшись к горшку.

Злобное шипение и клацнувшая по вилке клешня заставили меня отшатнуться. А монстр ловко подхватил со стола горшок и мигом вывалил все его содержимое в огромную пасть.

«Ничего себе выходки!» – поглядывая на ополовиненные зубцы вилки, ошарашенно вздыхаю я, наблюдая, как Фуссо бросает в рот булочку, потом сует кончик клешни в кашу и, зачерпнув как ложкой, отправляет неизвестную еду себе в рот. Последним взмахом вылив себе в рот содержимое кувшинчика, монстр великодушно пододвигает мне оставшиеся булочки.

– Спасибо, – язвительно фыркнула я, но отказываться не стала.

Хоть какая-то еда. Жаль, запить нечем, впрочем, я не неженка, могу и просто водой, в интернате не раз приходилось.

А Фуссо уже до блеска вылизал длинным раздвоенным языком миски и кувшинчик и, сложив клешни на пузе, успокоенно застыл подле шкафа, где спрятано его сокровище. Засов на двери загремел, когда я уже давно доела булки и запила их водой, налитой из крана в ванной. Вкусной, как из теткиного колодца, – воняющую хлоркой воду из интернатских кранов, которую все мы постоянно пили, с ней и рядом не поставить.

Вошедшая в комнату Биша, демонстративно поджав злые губы, молча собрала со стола пустую посуду и ушла, не удостоив меня даже взглядом. Но мне было как-то поровну ее выступление, после еды снова неуклонно потянуло в сон, хотя я вроде особой засоней никогда не была.

Добредя до облюбованного диванчика, укладываюсь на прежнее место и подтягиваю на себя меховое одеяло. Хоть на улице весь день светит летнее солнце, в комнате довольно прохладно. От каменных стен, что ли?

Странное состояние полусна постепенно охватило меня: вроде все слышу и даже вижу сквозь полуприкрытые веки, но почему-то не могу ни двинуться, ни заговорить.

Бряцанье засова доносчиком сообщает о пришедших гостях, а шорох шагов – о том, что они совсем близко. И хотя я все слышу и понимаю, но не могу шевельнуть даже пальцем. А что самое странное, несмотря на ясные мысли, исчезли все эмоции, и я больше не испытываю ни страха, ни возмущения. Словно это не меня изучающе рассматривают, словно засушенную бабочку, холодные кукольные глаза и другие, непроницаемо-черные, как космос. И не в моем, грубо

выдернутом из-под головы рюкзачке копаются чужие бестактные руки. Непонятное оцепенение позволяет мне только отстраненно фиксировать эти действия, не оставляя никакой возможности на них ответить.

- Она точно ничего не чувствует? - словно продолжая начатый разговор, спрашивает уже знакомый голос, странным образом подрастерявший изрядную долю своей мелодичности.

- Как камень, - в низком взрыкивающем голосе молчуна звучит презрительная нотка.

- Тогда, может, сейчас?.. - Хозяин не договорил, но я почему-то отлично поняла, что мне очень не понравилось бы продолжение фразы.

Если бы я могла хоть что-то чувствовать.

- Что, так не терпится опробовать новую игрушку? - язвительно бурчит черноглазый, копаясь в рюкзачке, похоже, он не очень-то пресмыкается перед прекрасным принцем, не иначе как друг или сообщник. - Но денек все же придется подождать, завтра ночью полнолуние, к тому же равноденствие, силы будут на пике, самый благоприятный момент.

- Все шутишь, - зло цедит Роул. - Что тут пробовать? Быстренько отделаться, и пусть себе зреет.

- Быстренько не выйдет, - гнусно хихикнул черноглазый. - Нужно, чтобы с гарантией. Иначе придется до осени ждать - столько времени впустую.

- Ладно, будет тебе с гарантией, - так же пакостно ухмыльнулся хозяин. - Ну почему так не везет? Была бы парнем, сразу бы и слили, такой потенциал!

- Зря жалуешься, зато этот вариант самый безотказный. Сливание - вещь капризная, не всегда удается.

- Кому ты рассказываешь, - фыркнул Роул, - сколько раз мимо уходило. Ладно, идем, там еще троих привезли, проверить нужно. Может, еще переодетая ведьма найдется, посимпатичнее этой.

– Нет, ты не исправим, – пытаюсь выколупать стекло из папиных очков, бормочет его друг, и я отстраненно думаю, что убила бы его, если бы могла испытывать хоть какие-то эмоции. – Даже в таком серьезном деле не можешь не думать о бабских прелестях.

Он пренебрежительно бросил очки в рюкзачок и так же небрежно сунул его мне под голову.

– Ну не все же такие... – язвительно начал было Роул, но враз осекся под тяжелым взором черных глаз, мне это хорошо было видно.

Его сообщник как раз стоял перед моим диваном, меряя принца вовсе не дружеским взглядом. Возле шкафа очень кстати злобно зашипел Фуссо, словно чем-то рассерженный, и друзья сразу расслабились.

– Да он, похоже, и впрямь предан тебе как собака, – с притворным изумлением пробурчал черноглазый и направился к двери.

– А куда ему деваться? – довольно заржал шагающий следом Роул, и дверь за ними захлопнулась.

Фуссо покинул свой пост возле шкафа, дотопал до диванчика и, осторожно прихватив клешней одеяло, натянул мне до подбородка. Потом направился к окнам, в которых пламенело закатное зарево, и плотно задвинул шторы, погружая комнату в темноту.

«Значит, считает, что мне нужно спать», – поняла я. Мысли текли в голове непривычно ясные и логичные, все, что произошло в этой комнате, казалось понятным, как задачка для второго класса. И даже слишком понятным: вернись ко мне в эту минуту подвижность и эмоции, уже резала бы на полоски нарядные рубахи из шкафа и плела веревку. Я в каком-то фильме видела, как это делается.

Хотя зачем мне веревка?

Если я даже не знаю, как открываются окна и куда они выходят. Если по закону Марининых книжек фэнтези – то должны в сад, где никогда никто не гуляет,

а если по закону подлости – во двор, полный охраны. И почему мне вчера не пришло в голову выглянуть в окно? Не мучилась бы сейчас напрасными предположениями.

Однако мозг, подстегнутый снадобьем, которое, несомненно, я сжевала с булками, не хотел отдыхать и десятками изобретал и обосновывал планы побега и спасения от грязной и унижительной процедуры, неминуемо надвигающейся на меня вместе с грядущим днем.

Однако ни один из этих планов детальной проверки не прошел. Во всех имелось несколько слабых мест, но одно было общим – мое абсолютное незнание местности и обычаев этого мира. Явно враждебного по отношению к таким, как я.

Глава вторая

День второй, очень тревожный

Проснулась я внезапно и сама сначала не поняла, отчего. Вытаращила глаза, попробовала подвигать руками и ногами... Пальцы шевелятся, ощущения вернулись, по крайней мере, тревога и страх – так точно. Даже внутри все похолодело и сжалось, когда вдруг сообразила – вот оно, началось. Связали и тащат, почему-то вниз животом, на алтарь, наверное, или где это у них происходит, издевательство над людьми.

А я даже закричать не могу. Нет, что на помощь тут звать бесполезно, и сама отлично понимаю, но завывать, заорать от ужаса, от отчаяния... да просто в знак протеста!

Спасите! Не хочу! Не надо! Боги, если вы есть, умоляю, верните меня обратно! Я буду мыть полы и доить козу по пять раз в сутки. А в искупление своей легкомысленной выходки стану каждый день ходить по улицам и всем малолетним дурочкам, решившим, что они уже умные, независимые и прекрасно проживут без помощи и защиты родичей, объяснять, доказывать, втолковывать, как малышам, сколько гнусных подлецов и ужасных ловушек ждет их на пути к

самостійності.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/chirkova_vera/zvanie-baba-yaga-uchenica-ved-my

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)